

Нариман Туребаев

Я - Виктор Цой

киноповесть-
фантазия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нариман Туребаев

Я – Виктор Цой

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Туребаев Н.

Я – Виктор Цой / Н. Туребаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

После случайного знакомства в кафе этим двоим потерянным немолодым людям предстоит провести длинную холодную ночь в преддверии зимы в таком же потерянном городе на окраине Азии. Их ночные приключения также нелепы и бессмысленны, как они сами, но они не останавливаются в надежде увидеть первые лучи звезды по имени солнце. Содержит нецензурную брань.

Нариман Туребаев

Я – Виктор Цой

«Впервые это случилось в 88-ом, в декабре. Я должен был выступать в «Динамо», в Москве. И народ, кажется, только на меня собрался послушать и посмотреть, другие были на разогреве, хотя, наверное, они так не считали. Но вместо меня Боря пошел. Перед выездом из дома я вошел в ступор. Я лежал в ванне, полной холодной воды – она охладела за те пару часов, что я лежал в ней неподвижно, уставившись в капли, падавшие из крана. Они капали, а я смотрел, они капали, а я смотрел... А потом зазвонил телефон – я сказал: не смогу. Заболел. И я почти не соврал – этот ступор, который потом меня настигал много раз, неожиданно, выставляя меня полным идиотом, это было все равно что болезнь. Инфекция, вирус – что-то такое. Я все-таки поехал, в микроавтобусе мы с Борей и другими молча ехали и глядели в окно на московские улицы, заваленные мокрым снегом, на прохожих, шлепающих по соленой серой жиже, на большие одинокие дома. Я жил тогда на Профсоюзной, в Беляево, Питер уже был почти забыт за те несколько месяцев, что я успел прожить в столице. Ребята заехали за мной, и вот это молчание в нашем просторном Фольксвагене, где каждый знал каждого как самого себя, кто любил одних и тех же женщин, а иногда и друг друга – это молчание навсегда нас разъединило. Навсегда... Следующие два года просто были отбытием срока. Молчание, холод снаружи, холод внутри... Весь концерт я сидел за кулисами в прямом смысле, на стульчике – и непрерывно курил. После «Короля и шута» и еще кого-то там вышел Боря, извинился за меня, его освистали, как полагается. В общем-то, возмущения особого не было, он начал петь свои плохие английские песни. И меня забыли. Забыли, так как нашелся прекрасный повод поглотиться над нашим богом за песенки с заморского диска, и он не возражал. А я курил, слушал, но думал о себе, о том ступоре, что случился со мной в ванне. А в зале зрители продолжали издеваться, кто-то крикнул: «Кончай херней страдать, давай «Под небом голубым»!». И кто-то с другой трибуны крикнул в ответ: «Сам голубой!». Весь дворец спорта загремел хохотом со всех сторон. И он тут же начал наигрывать знакомые всем аккорды под оргазмические возгласы зрителей, и уже не останавливался, а все продолжал петь свои старые, всеми любимые вещи. И даже я включился, увлеченный фанатской волной, их подпеванием, их экстазом. И ступор забылся... Я же сидел на стульчике и стучал ногой об пол в такт его музыки».

Я смотрю на него, точнее, на его морщинистую шею, потому что лицо свое он прикрывает ладонью с зажженной сигаретой. А степень жирности его фигуры невозможно угадать за просторным бежевым плащом. Он отстукивает носком туфли ритм на полу. Это нервирует, конечно, и он знает, что это нервирует, но пользуется своей старостью как защитой от наездов, и продолжает стучать. И дымить, ведь в кафешках курить запрещено. Но он уверен, что ему можно. Все они такие, эти печальные и дурно пахнущие старперы из совка. И каким-то образом им удастся очаровывать нас своей жалкостью и никчемностью, нас, прекрасных и легких на подъем девочек слегка за тридцать. Для него я уж точно девочка, еще в этой короткой кожаной юбке, которую не носила уже сто лет... Будто знала, что встречу этого... чудака. Эту речь он произнес после того, как представился. А представился он так:

«Здравствуйте. Я – ВИКТОР ЦОЙ».

Это меня и пригвоздило на пару минут к стульчику у стойки бара, слегка обалдевшую, и этого хватило, чтобы он успел рассказать эту малопонятную мне историю. А я ведь просто подошла к бармену за спичками, так как хотела выйти покурить, а зажигалку посеяла. Просить

огня у соседних столиков не хотелось, чтобы не давать повода для низкобюджетного подката – кто знает, тот поймет.

Он продолжает мерно стучать туфлей о пол, как будто бьет ею прям мне в висок, носком. Старая сука. И, как назло, уже десять минут как нет даже фоновой музыки в этом беспробудном кафе, чтобы заглушить этот стук, а местные алкаши сидят очень тихо. И я слышу только этот стук. Стук. Стук. Стук. Он поворачивает голову ко мне, в правом стекле его очков трещина. А его лицо – словно стерто, без национальности, без возраста. Можно многое узнать о человеке по губам, но они по-прежнему скрыты за пальцами с сигаретой. Хотя – на трех ногтях видны тонкие полоски грязи, при том, что они аккуратно подстрижены. Ухоженная неухоженность. Это ни о чем не говорит – он может быть и одичавшим психопатом, и забитым супругой женатиком, сбежавшим на полчаса в кафе за молодой кровью. Трахаться они не умеют, но мозги насилуют знатно.

«Виски будете?» – спрашивает он, не прекращая стучать ногой. Это было почти ожидаемо, только обычно говорят про коньяк. «Кажется, он восемнадцатилетней выдержки», – добавляет он. Костя-бармен наверняка плеснул ему «Четыре розы» местного разлива, но я киваю головой – хочется и дальше его бред послушать – кажется, контакт может стать довольно перспективным. «Чем занимаетесь, Виктор?» – спрашиваю я. «Мемуары пишу. Я многое пережил, надо успеть записать. Но я слишком много думаю, а это мешает писать. И не называйте меня Виктором – все равно ведь не верите». Конечно, не верю. Но как-то ведь нужно его называть. «Зовите меня Моро», – говорит он. «Умора?» – уточняю, совсем без юмора, с этим у меня неважно. «Нет. Моро. Или – нет. Зовите меня просто Марат». Марат так Марат. Моро – тоже ничего так. Но Марат удобнее, конечно, для наших мест. Я уже хочу курить и мну сигарету в руке, он замечает это. «Выпейте залпом, и пойдемте», – говорит он, – И я не извращенец, если что». Значит, точно извращенец, и, по моему опыту, уже нужно искать пути к отступлению или просто развернуться и уйти. Он закидывает в горло бокал виски, и, махнув мне рукой, идет к выходу. Что говорят в таких случаях? «Пойду, носик припудрю»? Это я и говорю, и иду в сторону туалета. Иду. Но – мне хочется обернуться и посмотреть, как он уходит, на особенности его походки, спешит ли он или едва шевелится. Я останавливаюсь, и Костя в этот момент врубает музыку, начинает вертеться зеркальный шар, и из колонок несется заунывное: «Где вы теперь и с кем, кто хочет быть судьей, кто помнит все имена?»... Старая, когда-то знакомая мне песня, и мне кажется, что голос тоже мне знаком. И я только что слышала нотки этого железа в почти безумной речи этого странного старпера в треснувших очках. «Где твой мундир, генерал?». Я оборачиваюсь – он, то есть, Марат (или Виктор, или Моро), стоит словно вмерзший в пол, опустив голову, вероятно, песня застала его врасплох. Он не может быть им, конечно – он ниже ростом, с развалившейся фигурой, да и просто не может быть им. Глупость все это, и понятно все, но я кричу Косте, чтобы он сменил песню – Костя ставит вместо цоевской песни какой-то маловразумительный рэп от модного ныне казаха, и Марат снова трогается с места, вскоре скрывается за дверью, размахивая полами длинного плаща. Я иду за ним, по пути также опрокинув в себя полбокала виски, кожаная юбка от ходьбы поднимается вверх, но я иду, чувствуя взгляды посетителей на моих быстро обнажающихся ягодицах. Но моя совсем не азиатская попка – это моя фамильная гордость, и прибавка к заработку, к тому же. Пусть смотрят.

Мы пускаем дым в морозный ночной воздух, прямо в круглую луну, замершую посреди темно-синего неба. У него дым погуще, мужчина все-таки, мой дым же узорчатый, взмывающий вверх тающими тонкими завитками. Я улыбаюсь – мы как дети. «Точно», – говорит он. Я сказала это вслух, фразу «как дети», то, что думала, что часто со мной бывает. Это мне никогда не мешало, так как мысли, которых мне стыдно, меня не посещают, но чувствую себя как-то

неудобно каждый раз, когда невзначай произношу мысли вслух. «Как вы думаете – мне нужно продолжать?» – спрашивает он. Я не знаю, что он имеет в виду – продолжать ли со мной и логически довести дело до постели, или же продолжать писать мемуары. Я не против ни легких денег, ни хороших книжек, и поэтому говорю: «Конечно, продолжайте! Всегда надо идти до конца». Он несколько раз медленно, тяжело кивает головой – в этом возрасте мужчины особенно смешны, стараясь казаться значительными своею отрепетированной стариковской неторопливостью. Хотя – старик ли он? Ему же должно быть где-то между 50-тью и 60-тью? Это по нынешним временам вторая молодость. Уф, неужели я всерьез об этом думаю? Что этот седовласый, очкастый тюфяк, больше смахивающий на Чикатило, чем на стареющую рок-звезду, и есть тот кореец, от которого до сих пор тысячи, миллионы русскоязычных меланхоликов сходят с ума? Нет, тупица, я же знаю, что это не он. Зря я вспомнила про Чикатило... Мою коллегу, Соньку, которая ныне живет в благословенном Израиле, пытался порезать на куски один такой. Кажется, его застрелили. Или с крыши сбросили. В общем, убили его наши доблестные полицейские, крышевавшие нас тогда, но мизинец на руке он успел ей спилить. После чего Сонька все прокляла здесь и свалила на историческую родину. Благодаря тому маньяку у нее произошла переоценка ценностей, и теперь она, девятипалая, живет по самым высоким мировым стандартам. Может, и мне повезет, как ей? Я смотрю на него. Очки, сигареты, плащ, мемуары... Нет, вряд ли. Ничего интересного меня не ждет, кроме охренительного мозгового...ства с философско-литературным уклоном. Все лучше, чем завышенные сексуальные запросы, которые с возрастом мне выполнять все труднее и труднее. А он случайно не пустой? «Сколько у вас денег?», – тут же спрашиваю я. Он бросает окурочку на асфальт, и я вижу свои глаза в отражении его очков: «У меня в долларах, к сожалению. Около шестисот. Хватит?». «Пойдет», – говорю и сажусь, чтобы поднять брошенный им окурочку, но начавшийся вдруг ветер несет его подальше от меня, к арыку, а я ненавижу, когда арыки забиваются мусором, и вода выходит из них и хлещет прямо по улицам. Я бегу за уносящимся от меня окурочкой, а ветер становится все сильнее, и я вдруг слышу вопрос моего нового знакомого, Марата: «Как вас зовут?». Окурочка падает в арык, и его быстро уносит грязно-зеленая вода... Я сижу на корточках и думаю о том, как бы с него содрать все его шестисот баксов, без остатка, так, чтобы он рад был их отдать? Но больше я думаю о том, куда вложить эти деньги? В Турцию смотаться? Ну, и немного думаю об экологии. «Алия», – отвечаю я, не поворачиваясь. Ветер превращается в вихрь, Марат садится на корточки рядом со мной. Низ его плаща колыхнется от ветра и бьет меня по бедрам, он замечает это, и прибирает плащ к коленям. «Необычно сильный ветер для нашего города, – говорит он. – Неспроста это, Алия. Мы встретились. И луна. И ветер. И ночь». Вот оно, началось. Это точно не Цой (боже мой, я все еще об этом думаю!). Есть всем знакомое, примитивное правило, верное во всех случаях – когда насилуют (вагину ли, анус ли, мозги – без разницы), надо расслабиться и получать удовольствие. А я это умею. И я вступаю в игру: «Марат, не придавайте значение бессмысленным, мертвым вещам. Ветер, луна, ночь – вы даете этим пустышкам высокий смысл и этим самым обесцениваете нас с вами. Мы встретились. И все. А дальше посмотрим». Он резко поворачивает ко мне голову, в линзах сверкнул лунный свет. «Да. Да», – кажется, голос его дрогнул. Я его зацепила. Раздается скрип двери кафе, мы оборачиваемся – из светящегося желтым светом проема в ночь гурьбой выходят посетители. Кафе закрывается, уже час ночи. «Пойдем в другое кафе?» – спрашивает Марат. Конечно, пойдем, я высосу из тебя все до цента, дорогой мой! А ветер усиливается, и нам трудно уже держаться на месте под его порывами. «Надо где-то укрыться! За мной!», – кричит он, встает и убегает. Я бегу за ним, если это можно назвать бегом, поскольку я на высоких каблуках.

Мы стоим в каком-то тесном тупике, плечом к плечу, в то время, как в двух шагах от нас на улице бушует ветер, снося со своих мест все, что не прикреплено, сгибая крепкие столетние деревья. А мы стоим в тупике, и даже не чувствуем легкого дуновения. И почему-то

над нами летает одинокая зеленая муха, будто нет ни бешеного ветра, ни холодов. Я смотрю вглубь тупика – там стоят несколько ржавых мусорных контейнеров, которых едва видно из-за наваленного на них мусора. Муха летает прямо под носом. «Зато здесь не летают тяжелые предметы. Как там», – Марат показывает в сторону улицы. «Хорошее место вы нашли. Такое... американское...», – говорю я. Он оглядывает наш тупичок и улыбается: «Да уж. Думаю, скоро это кончится». И тут раздается гром, и тупик озаряют всполохи молнии. Не проходит и секунды после этого, как начинает лить дождь, без обычного вступления в виде пары упреждающих капель, а сразу почти сплошным потоком воды. Мгновенно мы становимся мокрыми. Мокро, холодно, ветрено, мерзко... «Вы правы. Неприятные ощущения», – подтверждает мой будущий клиент – опять я произнесла мысли вслух. А он вдруг начинает заклинять, как шаман: «Скоро это кончится. Скоро это кончится. Скоро это кончится...». Неадекват он, конечно, но в одном я уверена – он точно меня не кинет и заплатит. Потому что слабый, таких я сразу чувствую – он словно погасшая свеча, растекшаяся парафиновой лужицей, из которой торчит обуглившийся фитилек. А погас он совсем недавно, судя по его еще пока приличному виду. Скоро окончательно спустится вниз по социальной лестнице и умрет как-то нелепо – скорее всего, пьяный упадет в арык, заснет там и захлебнется водой. Фитилек...

А тем временем, погода решила прислушаться к его заклинаниям – ветер вдруг затих, дождь из потока воды переквалифицировался в моросящий (не менее мерзкий, однако). Мы переглядываемся, и я даже сквозь водяные разводы на стеклах вижу в его глазах отчаяние, совершенно беспричинное, по-моему. Что с ним? «Все. Конец», – произносит он и уходит от меня из тупика на улицу. Я остаюсь одна в компании мусорных баков, и вот уже отчаяние настигает меня. Точнее, это злость: как так?! Вся эта возня с ним, которая так неплохо началась, в итоге бесполезна?! Что за херня такая в эту ночь происходит?! Я бросаюсь вслед за ним – не прощу себя, если не справлюсь с этой размазней (теряю хватку?).

Я нагоняю его, идущего посреди дороги под ярким светом фонарей – благо, автомобилей нет. Засунув одну руку в карман, а в другой держа сигарету, он широко шагает, и полы его длинного плаща взлетают крыльями в стороны при каждом шаге. Его фигуре для большего визуального эффекта явственно не хватает шляпы, ну да бог с ней. Я ровняюсь с ним, и какое-то время иду рядом молча. Жду – он первый должен начать. И, конечно же, он не выдерживает и останавливается. Стоит, понунив голову. Думает, что я буду утешать? И не надейся – плакаться будем позже, когда дойдем до дела. Так полагается. «Вы любите кино?», – спрашивает он. «Кино» или кино? – тут же задаюсь я логичным вопросом, поскольку нахожусь рядом с человеком, называющим себя Виктором Цоем. «Я имею в виду кинематограф», – уточняет он. Я пожимаю плечами – мол, ничего, нормально отношусь, смотрю иногда. «Обожаю кино», – говорю. «Я тоже, – со вздохом говорит он. – Вы ведь знаете, Алиа, когда идет дождь, гремит гром и сверкают молнии, и ветер сносит с ног, и при этом ночь – это значит финал, момент катарсиса, наивысшая точка фильма, после которой только конец и титры. Это уже случилось с нами – так ярко, так холодно и мокро, и я понял: а дальше ведь теперь ничего нас с вами не ждет, все закончилось, не начавшись. А если останемся вместе, то это будет мучительно и скучно. Поэтому лучше нам разойтись». И в этот момент я окончательно утверждаюсь в мысли, что передо мной идеально отшлифованное, полное, стопроцентное чмо, какие давно не встречались в моей долгой профессиональной карьере. Своего рода самородок. Он даже не подозревает, что мучительно и скучно было с самого начала, со стойки бара, где мы впервые столкнулись час назад. Хотя знает, что я его не брошу, ведь на кону шестьсот долларов, которыми он предусмотрительно меня поманил – ах, эта незатейливая чмошная «хитрожопость»! Но настало время сделать так, чтобы он ходил за мной, как приклеенный, а не я за ним. Для

уменьшения энергозатрат. Пора включать или «странную женщину», или «слабую», или обе сразу (если я еще не забыла, как это делается).

В моей классификации клиентов «чмо» – это последний уровень, дно. Днище. Тюфяк, размазня, слабак – эти термины тоже близки, но при определенных обстоятельствах они могут приобрести положительный оттенок. Чмо же – это всегда дурно, низко, это то, чем все брезгуют, и к чему не может быть жалости. Чмо – это плевок в ранимую душу продажной женщины. Который, однако, можно потерпеть ради хороших денег. И я потерплю. А я ведь могу простудиться и умереть, будучи насквозь мокрой, стоя тут перед ним и унижаясь. Этим надо воспользоваться – я вдруг начинаю сильно дрожать и надрывно кашлять в кулачок. Отворачиваюсь от него, будто меня смущает мое неважное состояние. «Вы же простудитесь!», – Марат переживает. – За тем переулком есть маленькая кофейня, она должна быть еще открыта. Пойдемте согреемся!» Я согласно киваю. Он показывает рукой в сторону того переулка и идет туда. И даже не пытается ради приличия предложить мне накрыться чем-то из своей одежды, чтобы я согрелась. Конечно, вряд ли мне поможет его пропитанный ледяной водой плащ, но все же... Натуральный чмо. Плюс к этому, я все еще послушно хожу за ним, как собачонка, а это действительно унижительно! Кончать с этим немедленно! Я падаю на асфальт. Лежу, перебирая ногами в обжигающей холодом студеной луже, в которую случайно они попали (надо было упасть на полметра дальше). Я закрываю глаза и начинаю отсчет. Один, два, три, четыре – и его руки поднимают меня и прижимают к своей груди. «Алия! Алия! Очнитесь!», – голос его срывается на высокую ноту от страха за мою жизнь – значит, сработало. «Ничего страшного, мне просто нужно согреться», – еле слышно бормочу я. «Сейчас!», – кричит Марат и уносит меня на руках в кофейню. И пока он меня несет, в голове бесконечным рефреном звучит: «Nobody's perfect» – фраза, которую, вероятно, я должна буду сказать ему в конце, следуя его кинематографическому подходу к нашим отношениям.

Странная, однако, эта кофейня – мы будто сидим внутри лаконично оформленной узкой стеклянной витрины, где присутствуют пара покрытых черным лаком столиков, такая же черная стойка баристы с кофемашиной и репродукция «Жидких часов» Дали на белой стене. Да и сами мы похожи на манекены с нашими прилипшими к лицам влажными волосами. Ночная улица пуста, и некому поглазеть на эту живописную картину сквозь высокое и длинное стекло. Запах кофе из чашки щекочет нос, манит меня, но рано еще. И моя голова устало лежит на руках, сложенных на столе. По замыслу, силы меня покинули, и потому негоже сразу хватать чашку. Хотя очень хочется. «Пейте кофе! Вам это нужно! Поверьте – сразу станет легче! Пейте кофе, Алия!». – уговаривает Марат меня. Сердечный какой. Я медленно поднимаю голову, придвигаю к себе чашку, принимаюсь. И потом делаю маленький глоток. Мой престарелый «милый друг» выжидающе смотрит на меня. Я замираю на пять секунд. А потом жду еще три секунды, не дыша. И лучезарно улыбаюсь, к видимому удовольствию Марата. Улыбка честная, притвориться не получилось, поскольку кофе на самом деле шикарный. «Я же говорил!», – торжествует Марат. Воротник его бордовой рубашки плотно застегнут, так же, как и манжеты рукавов, что снова навевает мне мысли о его маньячности... Остальное кофе я выпиваю одним большим глотком. «Вы казашка?» – вдруг спрашивает Марат. Вопрос, который никогда не обходится клиентами. Таков уж наш город, где от разврата до патриотизма один шаг. «Полукровка, как и вы», – отвечаю я. Наше преимущество, метисов и метисок, в том, что мы имеем полное право не примыкать ни к какой религии – ни к папиной, ни к маминой, дабы не поколебать семейные узы. Возможно, антирелигиозность метисов и есть причина того, что нас так много в моей профессии. «Это хорошо, – говорит он. – Мы, метисы, все талантливы». Все еще пытается меня убедить, что он действительно верит в то, что когда-то был метисом Виктором Цоем. Потроллить его, что ли? «А я вас, корейцев, не люблю. Вы собак едите», – говорю. Он

как-то мгновенно мрачнеет. И пытается тут же атаковать: «Во-первых, вы до этого называли меня полукровкой. А это не совсем кореец. Во-вторых, вы вот едите лошадей, и ничего ведь. Считаете это нормальным». Подал мне встречный иск, как говорится. Кажется, надо рассердиться – налицо межнациональный конфликт, который грех не раскалить до предела. Я медленно двигаю чашку рукой к краю стола, пока она не падает и не разбивается вдребезги. Это, конечно, по-детски все и примитивно, но всегда действует. «Я заплачу за чашку!», – тут же кричит Марат баристе. И тихо произносит, уже мне: «Извините, не надо было мне открывать эту тему. Сглупил, извините! Я, кстати, полюбил конину». Полюбил, ага. Быстро он как-то сдулся, даже для чмошника. Не по-мужски. Теперь самым большим достоинством мужчины считается совсем не то сомнительное, физическое, а другое, типа духовное – его национальность. В 21 веке размеры членов уже не правят мужским балом – ныне они соревнуются между собой величием собственных наций. А вот ему пофиг, даже особо не цеплялся за эту тему. Впрочем, чего еще ожидать от психа? Как однажды сказал бывший мой клиент и по совместительству многолетний пациент психиатрической клиники: «У пролетариата, алкоголиков и шизофреников нет родины – им везде плохо». Надо бы размяться.

Я пока босиком – мои красные туфельки сушатся на низкой прямоугольной батарее у стекла. Я встаю и подхожу к батарее, сажусь на пол, прислонившись к ней спиной. Горячо неимоверно, и это радует. Раздвигаю ноги в стороны, что вкупе с моей юбчонкой смотрится несколько порнографически. Бариста глядит на меня неодобрительно, но не возмущается – посетителей все равно нет, и я могу вести себя более-менее вольно.

Я смотрю, на Марата, оставшегося сидеть за столиком, и мне кажется, что он будто потерял меня – он глядит сквозь очки подслеповатыми глазами перед собой, а руками медленно вертит чашку кофе туда-сюда, и отчетливо слышен скрип крупинки сахара под ее дном. Потом его рука очень долго тянется к карману плаща, висящего на спинке стула, и не менее долго вытаскивает оттуда пачку сигарет, точнее, ее остатки, из которых выплескиваются несколько струек воды на пол. Тут мой «старичок» наконец-то выходит из своей непонятно чем вызванной прострации и смачно чертыхается с матами (что ему совсем не идет). «И что теперь я буду делать?», – после некоторой паузы растерянно добавляет Марат к своему чертыханью, уже тихо и смиренно. Да, уж, «...но если есть в кармане пачка сигарет, значит все не так уж плохо на сегодняшний день», как поется в популярной эстрадной песне... А если сигарет нет?! Какой же он жалкий, какой же... В груди у меня ёкает – это проснулось во мне то исконно бабское желание спасти убогого, которое я так и не смогла выкорчевать из своего сердца. «Молодой человек, у вас не найдется пары сигарет для моего старшего товарища!», – решаю я обратиться к баристе, который своею полупрозрачной белой сорочкой, открывающей волосяной покров на груди, своими скулами и тонкими усиками напоминает незабвенного Фредди. Каким же благодарственным, подобострастным взглядом одаривает меня Марат в этот момент! Цвергшнауцер какой-то. Однако, «Фредди» верен закону: «У нас не курят, извините», – отвечает он. Я присматриваюсь к баристе – скорее всего, его вид неслучаен, и тогда вряд ли его прельщают мои прелести. Соблазнить его не получится. Ай вонт то брейк фри, мать его... Марат начинает заниматься полной чушью – он вытаскивает из остатков пачки остатки сигарет и пытается из них соорудить одну целую сигарету на столе. Возможно, Виктор Цой и превратился бы в такого вот нелепого и безнадёжного получеловека, мало понимающего, что происходит вокруг, если бы он дожил до нашего века. Сколько он выкуривает в день, интересно? «Три пачки», – бормочет он. Опять я думаю и говорю одновременно. Три пачки – не так много, но достаточно для умственной деградации, если курить много лет. Тогда понятно. А бариста – козел. «Пойдемте отсюда, Марат! – говорю я. – Купим сигареты где-нибудь рядом».

Его взгляд не вопрошает. В них нет страха или гнева. Его глаза не смеются, он не прищуривается и не расширяет зрачки от крайнего удивления или крайней обдолбанности. В его глазах я вижу только чувство искреннего недоумения от того, что эта в меру зрелая и напористая девушка, обтянутая черным кожаном, желает стрельнуть у него, бомжа и забулдыги, папиросу «Прима» алматинской табачной фабрики. «Ну, пожалуйста, он такой же, как ты! Одну папироску? Ты же только что спрятал пачку в кармане?», – я сижу на коленях перед мужичонкой в рваном ватнике, лежащем у толстого дуба на аллее. А про себя думаю, глядя на его заросшее, посиневшее от холода лицо – ну, что же ты? Ты ведь все равно до утра не доживешь, замерзнешь насмерть в этой траве? Так почему бы не поделиться табаком? Бомж переводит взгляд с меня на Марата, который стоит в десяти шагах от нас, под фонарями, такой одинокий в стелящемся по земле тумане. И, порывшись за пазухой, этот пропитый насквозь бродяга протягивает мне пачку «Примы», почти полную. Я наклоняюсь и целую его в щетинистую вонючую щеку. Фу. Но по-другому нельзя, не знаю, почему. Рука бомжа падает на мою ногу, и его пальцы перебирают клеточки на моих сетчатых черных колготках. Ладно, все, хватит. Я убираю его руку, встаю с колен и иду к моему «куряге».

Он выхватывает пачку из моей руки. Затем поджигает ее зажигалкой, и стреляет первой струей дыма прямо в меня. И тут я чувствую очень знакомый запах, точнее, мы оба чувствуем (он сильнее, конечно) – я и Марат дружно поворачиваемся в ту сторону, где лежит добрый бомж. Далеко мы отойти не успели, и стоим, думаем, что нам делать с этой фигней? Меня лично это никогда не увлекало, не берет меня никакая, даже самая мозговышибающая конопля. Одно я знаю точно – в этом стылом воздухе запах мариуханы распространяется мгновенно на многие десятки метров вокруг, и нам остается только надеяться, что полицейским вряд ли хочется морозить свои попы в эту ночь, и они нас не потревожат в силу своей вечной тяги к комфорту. «Добрейшей души человек», – еле слышно проговаривает Марат, и набирает полные легкие этого смрада. Задерживает дыхание на несколько секунд и выдыхает. «Чуйская... родная, – шепчет он. – Узнаю. С 88 года не курил, с казахфильмовских времен. Как же хорошо...» И я вспомнила – Моро! Конечно же, так звали героя того фильма, которого играл Виктор Цой, и Марат сейчас говорит о тех съемках, здесь, в моем городе... Его неподдельно теплая интонация, с которой он говорит о тех временах, слегка смущает меня. «А что так плохо? Почему такой перерыв?», – спрашиваю я. Жду ответа, и дожидаясь его только спустя полторы минуты: «Обстоятельства, Алиа, обстоятельства...» Мне чуть больше лет, чем тому фильму, смотрела я его в пубертатном периоде, и ничего из него не помню. Вот только это – Моро. Имя, которым он назвался сначала. «Будете?», – предлагает он. Нет уж, спасибо. И надеюсь его «обстоятельства» не называются колонией строго режима. Больше тридцати лет все-таки прошло – для знатока «травы» немыслимый срок без кайфа. Зэка мне еще не хватало. «Я не сидел в тюрьме, нет, просто в жизни всякое бывает. Понимаете?». Понимаю, хорошо понимаю... Черт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.